

ИСТОРИЯ НАУКИ

© 2000 г., ЭО, № 4

Б.А. Калоев

ИЗ ДНЕВНИКА КАВКАЗОВЕДА. I. НАЧАЛО ПУТИ

Когда переваливает за 80 лет, невольно вспоминаешь о пройденном пути, о судьбах твоего поколения. На плечи моих сверстников легла основная тяжесть строительства, к сожалению, уже не существующей Великой державы, ее защиты от порабощения гитлеровской Германией. В ходе социалистических преобразований, происходивших в стране, коренным образом менялись многие веками укоренившиеся устои патриархального быта горских народов Кавказа, их социальные институты и мировоззрение. В моей памяти с детских лет остались воспоминания о нелегкой жизни в горной стране. Они помогали мне лучше понимать горцев, когда я занялся изучением их этнографии.

Я родился и рос в самом центре Главного Кавказского хребта, в Заккинском ущелье, весьма замкнутом, труднодоступном, расположенном на высоте более чем 2 тыс. м над уровнем моря. Ущелье соединяет Северную и Южную Осетию, а множество перевалочно-вьючных троп связывает Осетию с внешним миром. Если считать с востока на запад, то перевалы (за исключением двух – Стырхохского, или Куртатинского, и Нарского) направлены в сторону юга: Урстуальский, Сбийский (Сба), Рокский (Рукъ), Дзوماкский (Дзوماгъ) и Джинатский (Джинат). Большую роль в жизни горцев с древнейших времен играл Куртатинский, высочайший и сложнопроходимый перевальный путь. Эта была кратчайшая дорога между двумя центрами Северной и Южной Осетии – Владикавказом и Цхинвалом. Ее мог покрыть хороший пешеход за два дня, в то время как для покрытия этого же расстояния через Военно-Осетинскую дорогу по Алагирскому ущелью требовалось намного больше времени¹.

Вполне возможно, что этот путь был знаком горцам еще со скифской эпохи. Скифы, совершая свой первый поход в Переднюю Азию (VII в. до н.э.), двигаясь туда через Главный Кавказский хребет, не могли миновать Куртатинский перевал. Скифы, обосновавшись на какое-то время в Закавказье, неоднократно проникали на Северный Кавказ через известные перевальные пути Главного Кавказского хребта. Во всяком случае название Захъхъа (Закки) В.И. Абаев считает скифским наследием: оно происходит от самоназвания среднеазиатских саков (скифов)². Пребывание скифов в горах Осетии зафиксировано и памятниками из знаменитого Тлийского могильника (с. Тли) позднекобанской культуры, расположенного сравнительно недалеко от Заккинского ущелья. Среди этих памятников зафиксирован, в частности, древнеиранский погребальный обряд захоронения с конем³ – явное свидетельство близких этнокультурных контактов скифов с носителями кобанской культуры, имевших место в этом осетинском высокогорье. Есть здесь и другие памятники аланской эпохи: святилище в честь святого Семибожья (Авдзуары), почитавшегося и в ряде других мест горной Осетии: его культ воспринят осетинами от скифов через алан⁴.

Многочисленные памятники позднего средневековья в Закке характеризуют пережитки родового быта его обитателей в далеком прошлом. Именно к этому времени относится появление здесь башен различных типов (боевых, сторожевых, жилых), домов-крепостей, замков, склепов, языческих святилищ и т.д., принадлежавших отдельным селам, фамилиям и семейным общинам. Оборонительные сооружения строились

почти до конца XVIII в. в целях защиты в случае межродовых распрей или кровной мести⁵.

Обилие исторических памятников на моей родине, относящихся к разным историческим эпохам, свидетельствует о часто происходившей здесь смене населения под воздействиями различных факторов, в том числе природно-географических. Об этом же говорит и топонимия: многие названия не поддаются объяснению, они – наследие прежнего населения, ушедшего на юг. Во всяком случае названия ряда сел (Суарх, Зригата, Пурят, Цамел и т.д.) и множества местностей (Лиаыком, Цгъугом, Санатгом и пр.) закинцы расшифровать не в состоянии. Несомненно, что расселение закинцев на их современной территории происходило не ранее конца XV – начала XVI в. – в период нашествия Тимура. Полагают, что в ходе татаро-монгольских войн на Северном Кавказе, аланы-осетины, покидая равнину, уходили волнами в горы Центрального Кавказа; видимо, таких волн было три: при Чингисхане, Батые и Тимуре. А позже оставшиеся еще на равнине аланы-осетины ушли в горы под давлением более сильных пришлых племен. Видимо, закинцы, как и многие их соседи в Центральной Осетии, – потомки этих выходцев с равнины. Единственным доказательством этого служат фамильные предания, ярко отразившие процесс заселения Заккинского ущелья.

Массовое оседание алан-осетин в горах вызвало там высокую плотность населения. Нередко люди вынуждены были селиться в местах, близких к самим ледникам, но зато дававших возможность вести привычное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Как повествуют некоторые фамильные предания закинцев, горцы находились в таком бедственном положении, что в поисках средств к существованию нередко совершали набеги на соседние имения грузинских князей. Такой сюжет, например, отражен в предании о происхождении моей фамилии, неоднократно записанном мною и многими моими предшественниками. В нем говорится, что большая группа осетин под руководством опытного предводителя совершила набег на имение князя Церетели в Западной Грузии и вместе с княжеским имуществом захватила и его несовершеннолетнюю дочь. При разделе добычи между участниками девушка досталась одному из Томаевых из селения Кора Куртатинского ущелья. Тот поселил ее с прислугой в свою родовую башню под строгой стражей, ожидая, что князь приедет и выкупит дочь. Однако этого не случилось. Княжна осталась навсегда в доме своего опекуна, где она росла и где решалась ее дальнейшая судьба.

Согласно преданию, однажды грузинский эристави (владелец), приезжая в очередной раз к куртатинцам за получением подати, встретил в с. Кора красавицу-княжну и вступил с ней во внебрачный союз, так как он был женат. От него родились два сына – Сабан и Тапсыхъо, от которых идет родословная Калоевых. Имена их родителей остаются для нас тайной. Ясно одно: эпоним «Кало», (от грузинск. «кали») «девушка», «женщина», видимо, был дан княжне ее опекунами, став именем родоначальника Калоевых, – случай редкий, если не единственный в осетинской действительности, когда род ведет свое начало от женщины. В этом мы видим явные пережитки матриархата, идущие в глубь веков.

В целом можно с уверенностью говорить, что приведенное предание и этимология слова «кало» не решают вопрос о происхождении фамилии Калоевых, потому что последние имеют еще три родственных фамилии (*арвадалтаэ*) – Ватаевы, Кайтовы, Тлатовы, вышедшие из с. Цамат Алагирского ущелья. Они считали, что вместе с Калоевыми происходят от одного предка – потомка местного древнего рода Сидамона, сына легендарного Ос-Багатара. Между этими четырьмя фамилиями брак был запрещен. Стало быть, имя Кало местного происхождения. Таково же оно и у ингушей: среди них более 100 дворов принадлежат к фамилии Калоевых, предок которых – выходец из верховьев Ассы. Между осетинскими и ингушскими однофамильцами Калоевыми нет родственных связей. В 1975 г. в Назрани, когда я в беседе со стариком Калоевым сказал ему, что я его «брат» (родственник, однофамилец), он ответил: «Ей богу, нет! Вон откуда мы пришли», – и показал рукой на ингушские горы. Я побывал в

Рис. 1. Селение Зригата

верховьях Ассы и видел там заброшенное село Калоевых, хорошо сохранившуюся величественную многоярусную родовую башню, а недалеко от села – надземные склепы.

О самостоятельном у каждого народа происхождении фамилии Калоевы свидетельствует и такой любопытный факт. В 1977 г. в Москве, находясь дома, я услышал по телефону незнакомый голос с сильным акцентом: «Калоев, Калоев, я тоже Калоев, я твой брат из Болгарии». Мы встретились. Моему однофамильцу было лет 50, он инженер из пограничного г. Рос, где работал на заводе детских колясок, которые, по его словам, поставлялись в большом количестве в Советский Союз. Приехав в очередной раз в Москву по делам, он каким-то образом узнал о моем существовании и решил познакомиться. Он сообщил, что более 400 дворов Калоевых живут компактно в большом селе недалеко от г. Рос. К сожалению, он ничего не знал об их происхождении. Об этом приходится только догадываться. Возможно, что болгарские Калоевы – потомки оставшегося в Болгарии воина Калоева из Закки, участвовавшего наряду со многими другими осетинами в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Вернемся к сыновьям Кало Сабану и Тапсыхъо. Согласно преданию, став взрослыми, они ушли из родного ущелья в поисках новых мест поселения. Перейдя через Стырхохский перевал в Заккинское ущелье, они нанялись к местным жителям Кесаевым пасти скот. Их стойбище находилось на месте нынешнего с. Зригата. Здесь, на стратегически важном пункте, тайно от своих хозяев, сыновья Кало соорудили башню, что дало им возможность захватить хозяйские земли. Вся центральная часть ущелья оказалась во владении Калоевых, с течением времени там выросло шесть небольших компактных поселений, расположенных на солнечной стороне горного склона, что вообще характерно для всего нагорного Кавказа: горцы редко селились на северной (теневой) стороне, куда даже летом очень поздно добирается солнце. Мое родное село Байком составляло исключение. Мы, дети, всегда с нетерпением ждали появления солнечных лучей, постепенно спускавшихся с горных вершин в долину, согревавших все ее пространство.

Итак, все осетинские Калоевы происходят от сыновей Кало – Саба и Тапсыхъо. Их

многочисленные потомки, выходцы из ущелья Закка, в разное время расселились во многих местах Осетии. По рассказам отца, моим родоначальником считается Тапсыхъо (имя, судя по суффиксу -хъо, явно кабардинское). Мое поколение – десятое от родоначальника, и я могу перечислить всех моих предков (Тапсыхъо – Хамыц – Зиу – Бери – Захъло – Фарни – Мацыхъо – Бибо – Александр – Борис). Стало быть, по этим данным, появление предков Калоевых в Закке относится примерно к концу XVI в. Возможно, что в это время были возведены многие башни, дома-крепости, склепы, составляющие неперемнную принадлежность почти каждого поселения Калоевых. Свидетельство наличия у последних таких крепостных сооружений – и трехэтажный дом-крепость (*ганах*) моего деда, сохранявшийся до недавнего времени. Он достался деду при разделе большой семьи, которая насчитывала 61 чел., включая шестерых братьев, их жен и детей, управлялась много лет старшей женщиной – матерью братьев, ставшей после смерти ее мужа главой семьи. Мой дед был пятым братом, а бабушка – одной из младших невесток. Семья распалась в 1890-х годах после смерти ее главы, матери братьев. Эта семья не является исключением: по моим сведениям, многие осетинские большие семьи управлялись женщинами, в чем можно усмотреть пережитки сарматского матриархата.

Благодаря стараниям моего деда (умер в 1920 г.) сохранился дом большой семьи со всем его убранством; в нем на первом этаже размещался скот, на втором – жилое помещение (*хадзар*) с открытым очагом в центре, делившим его на две половины: мужскую (правую) и женскую (левую); третий этаж в старину был приспособлен для обороны, позже служил для приема гостей. Хадзар представлял собой большое помещение с арочным входом, двумя световыми отверстиями, высоким потолком, поддерживаемым массивным столбом (*астауыгаг саджынз*) в центре, нередко увешанным убранством верхового коня и доспехами. Пол был земляным. На мужской половине вдоль стены на всю длину располагалась деревянная тахта с орнаментированной спинкой, а перед ней – такой же длинный деревянный стол для трапезы. На женской половине находилось все то, что относилось к женским занятиям. Было еще небольшое помещение – кладовая (*къабис*) с низким входом для хранения съестных припасов семьи. Туда имела доступ только старшая женщина (*афсин*), носившая всегда при себе ключи и нож.

Многое о жизни большой семьи я узнал от бабушки, прожившей 100 лет (умерла в 1939 г.). По ее словам, семья кормилась из одного котла, готовили пищу по очереди старшие невестки, для которых нелегко было накормить и напоить 61 человека. На обязанности младших невесток лежали многие хозяйственные дела: уборка жилых и хозяйственных помещений, обработка молочных продуктов и шерсти, изготовление одежды для семьи из домотканого сукна и покупной ткани и т.д. Положение самых младших невесток (*кастар ындыта*), к числу которых относилась и моя бабушка, было особенно тяжелым: они вставали раньше всех и ложились позже всех; кроме прочего, прислуживали семье во время приема пищи. Большая семья, включавшая то или иное число человек, была у осетин распространенным явлением почти до самой коллективизации. В далеком прошлом она отвечала жизненным интересам горцев при их крайнем малоземелье, была более устойчива по сравнению с малой семьей. Неслучайно поэтому большая семья у осетин распадалась только после смерти ее главы. Об этом свидетельствует поговорка: «При жизни отца сыновья не смеют говорить о разделе».

М.М. Ковалевский, посвятивший в 1880-х годах социальным институтам осетин двухтомную монографию, основанную на полевом материале, собранном им лично в некоторых местах Осетии, сравнивал большую семью осетин и ряда горских народов Кавказа с югославской задругой, сделав этот тип семьи достоянием мировой науки⁶. К сожалению, ученый не смог побывать на моей родине, как и в соседних районах Центральной Осетии, видимо, из-за их труднодоступности. По признанию самого М.М. Ковалевского, многие годы проведенного в эмиграции, он не смог решить для себя всех проблем, касавшихся общественного строя и обычного права горских народов

Кавказа. «Я в долгу перед осетинским народом», – сказал М. Ковалевский известному просветителю и собирателю фольклора осетин Цоцко Амбалову – слушателю Парижской Высшей Русской школы при их знакомстве в 1900 г. В этой школе, созданной Ковалевским на собственные средства, читали лекции для русских эмигрантов видные ученые и политические деятели, в том числе В.И. Ленин⁷.

Мне трудно судить о многих сторонах жизни большой семьи моих сородичей по отрывочным сведениям, полученным от бабушки. Ясно одно: от деда нам досталось очень скромное, по тогдашним масштабам, хозяйство (не более 40–50 голов овец, две коровы, рабочий вол), в то время как некоторые его братья имели по 200 и более голов овец и коз, пасшихся на обширных альпийских и субальпийских пастбищах, много дойных коров и пр. Видимо, дед мой не отличался трудолюбием, хотя имел другие достоинства. Так, он обладал красноречием и знаниями традиционных обычаев, поэтому его часто приглашали на медиаторский суд для примирения кровников. Рассказывают, что он хорошо говорил по-грузински, имел много друзей даже среди грузинских князей. Долгое время в доме хранились его пояс, шашка и осетинский наган (*ирон дамбаца*), богато украшенный серебром. Видимо, князья считали его равным себе, не подозревая, что он увлекался «удальством», находя для этого в Грузии широкое поле деятельности: со своими компаньонами он угонял оттуда лошадей и сбывал их на Северном Кавказе. Рассказывают, что дед не оставлял своего пристрастия почти до самой старости, до тех пор пока мой отец – его единственный сын – не вынудил его отказаться от этого ремесла. Для этого в знак своего согласия он вырезал ножом крест на центральном столбе главного жилого помещения, считавшегося у осетин святым местом.

Забегая вперед, отмечу, что отец мой, сумев получить образование в престижной Ардонской (ныне г. Ардон) духовной семинарии с помощью своих богатых родственников по материнской линии, считался в Заккинском обществе не только единственным духовным лицом, но и самым образованным. Он обучал детей горцев в одноклассной церковно-приходской школе, единственной во всем приходе, вел службу в церкви, построенной в XVIII в. русскими миссионерами из Осетинской духовной комиссии. Школа была открыта в начале XX в., обучение велось на родном языке по азбуке, составленной русским академиком А. Шегренем в первой половине XIX в., автором знаменитой «Осетинской грамматики». В целом же сплошная неграмотность была характерной чертой населения всей дореволюционной горной Осетии. Помню, как заккинцы приходили к моему отцу с просьбой написать прошение или письмо.

Можно сказать, что ему, сыну малосостоятельного горца из высокогорного Заккинского ущелья, посчастливилось получить образование благодаря помощи родственников. Его мать была дочерью прославленного героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг. прапорщика Терско-Горского иррегулярного полка Дзамболата Церекова из селения Фардыгдон Куртатинского ущелья. Г.Т. Дзагурова, характеризуя участие осетин в этой войне, пишет о нем: «Его воинская храбрость вызывала восхищение. Четыре Георгиевских креста, ордена, медали украшали грудь героя. К рукоятке его сабли был прикреплен крест боевой славы»⁸. Дзамболат прожил более 100 лет (умер в 1916 г.), три раза был женат, имел шестерых сыновей и четырех дочерей. Моя бабушка была его дочерью от последнего брака с женщиной из рода Гуриевых. Всем своим сыновьям Дзамболат сумел дать хорошее образование. Четверо, окончив кадетский корпус, стали офицерами русской армии, двое закончили реальное училище.

После Октябрьской революции судьба развела братьев Церековых по разные стороны баррикады. Одни покинули родину, другие, как, например, Хаджумар, любимый брат бабушки, участник революции 1905 г., член РСДРП, много лет проживший в Сибири на каторге, были активными строителями новой жизни. Его я видел, кажется, в 1926 г., когда он приезжал к нам в с. Коста, основанное незадолго до этого на левом берегу Терека горцами-переселенцами, в числе которых была и наша семья. Он запомнился мне высоким худощавым человеком с красивым лицом, орлиным носом.

Тогда Хаджумар руководил строительством Беслановского маисового комбината, ныне второго в Европе по своей мощности. К сожалению, в трагическом 1937 г. этот выдающийся человек погиб из-за доноса.

Семья Дзамболата считалась одной из культурных и образованных в Куртатинском обществе; сам хозяин, по рассказам, был начитан, имел богатую библиотеку, сохранившуюся почти до 1930-х годов в с. Эмаус, куда переселились Церековы в начале XX в. По рассказам моего младшего брата Солтанбека, генерал-майора медицинской службы, подростком жившего у Церековых, библиотеку эту оберегали как семейную реликвию. Дзамболат славился и тем, что оказывал радушное гостеприимство многим приезжим ученым и путешественникам, изучавшим кавказских горцев. У него в доме находили, например, приют профессора Московского университета, выдающиеся русские ученые В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский, посвятившие свои фундаментальные труды изучению осетин, а также известные исследователи – этнограф А.Н. Харузин и графиня П.С. Уварова, изучавшая памятники кобанской культуры. Рассказывают, что в честь приезда этой почетной гостьи Дзамболат для угощения зарезал быка. Наконец, он же был известен и как бессменный руководитель Куртатинского общества, много лет защищая его права и интересы перед официальными властями Терской обл.

Читатель, наверно, задастся вопросом: как могло случиться, что деду моему, жителю высокогорья, человеку сравнительно низкой социальной среды, удалось жениться на дочери такого знатного и богатого человека? Кое-что со слов бабушки мне об этом было известно. Однако более подробно эту историю я узнал сравнительно недавно, во время экспедиции в места проживания куртатинцев, от старика, хорошо знавшего деда и даже, по его словам, вместе с ним промышлявшего по части угона и сбыта лошадей. Когда он узнал, что я внук Бибо (так звали деда), он рассказал мне о женитьбе его на бабушке (Гагиз). А дело было так: однажды Бибо возвращался домой в Закки через Куртатинское ущелье после удачного очередного «похода» с большими добытыми им деньгами, пешком, прихрамывая на левую, давно поврежденную ногу. Его догнал всадник и, видимо, пожалев, предложил ему сесть сзади себя. Дед, долго не раздумывая, так легко вскочил на лошадь, что тот с удивлением спросил его, не служил ли он в кавалерии. «Занятия с лошадьми – давняя моя стихия», – ответил Бибо. Незнакомый всадник оказался офицером русской армии, одним из сыновей Дзамболата, ехавшим домой в отпуск.

Когда вечером они подъехали к родному селу Церековых, офицер пригласил гостя домой, где они застали трех молодых людей. Как позже стало известно, это были женихи, просившие руки моей будущей бабушки, в то время красивой и стройной девушки. Факт присутствия в доме в один день стольких женихов, как бы сговорившихся, свидетельствует о ее достоинствах. Когда девушку спросили, кого же она предпочтет, она промолчала, зная, что при выборе спутника жизни решающее слово принадлежит родителям. Кроме того, она, видимо, не желая нанести обиды никому из женихов, решила вопрос по-своему, сказав: «Назначьте за меня двойной выкуп». В Осетии в это время калым за невесту достигал 500 руб., выплачиваясь вместо денег скотом и ценными вещами.

Бибо, слушая все эти разговоры, попросил своего покровителя-офицера, родного брата невесты, разрешить и ему включиться в эту игру и получил его согласие. Когда объявили сумму выкупа и никто из женихов не смог ее дать. Бибо, не долго думая, выложил эту сумму на стол. Отступать хозяевам было некуда: слово, данное офицером, считалось делом его чести.

Рассказывают, что для Церековых эта сумма показалась малой и они дополнительно потребовали от Бибо мелкий и крупный рогатый скот в большом количестве. Но когда, приехав в Закки, увидели бедное хозяйство Бибо, отказались от своих претензий. Бабушка вспоминала, что когда она покидала родительский дом, ее оплакивали так будто отправляли в Сибирь – таким далеким казалось Заккинское ущелье, лежащее за высокими горами в центре Главного Кавказского хребта. Во всяком слу-

чае ее ожидала нелегкая судьба младшей невестки в большой патриархальной семье мужа.

После распада семейной общины бабушка Гагиз управляла скудным хозяйством малой семьи. Она приобрела в Заккинском обществе большое уважение, славилась как умная, добрая и гостеприимная хозяйка. Кто бы из куртатинцев ни приезжал в село, обычно разыскивал бабушку и находил у нее приют и гостеприимство. Это случалось так часто, что дед жаловался: куртатинцы, мол, разорили его, ведь по обычаю для угощения прибывшего издалека гостя требовалось закалывать барашка, даже в том случае, если в доме было свежее мясо.

У моих деда с бабушкой часто умирали дети, поэтому отца моего, единственного их наследника, они, желая иметь большое потомство, женили, кажется, в возрасте 16–17 лет. В Закке, как и по всей Осетии, при заключении брака наряду с социальным и имущественным фактором учитывались численность рода, его общественная значимость: сильный (или многочисленный) род (фамилия) играл в обществе большую роль. Таких фамилий было две: Калоевы и Кесаевы, часто роднившиеся между собой. Характерно, что внутри этих фамилий нередки были случаи эндогамии и левирата, что помогало избегать выплаты калыма за невесту. На сей раз Калоевы решили породниться с Кесаевыми, женив моего отца на дочери Дагъестана Кесаева, широко почитавшегося в обществе главы большого родственного коллектива. Мать моя славилась красотой, высоким ростом (она была выше отца), умением играть на гармонике и другими достоинствами горянки.

Деда своего Дагъестана я не помню, но хорошо знал его сыновей, любимых братьев моей матери Блатона и Бето. Первый наряду со многими другими осетинами побывал в «американском раю» как отходник, вернулся домой без копейки, правда, сумел все же вставить себе золотые зубы. Давние мечты родителей моего отца исполнились: у них появились пять внуков и внучка. Я был вторым ребенком и во многом обязан, как и мои братья, своим становлением бабушке и матери (отец в послеоктябрьский период постоянно был занят общественными делами).

* * *

Детей в горских семьях очень рано вовлекали в домашние работы, обучали горскому этикету. С пяти лет я стал пасти ягнят, выполнять другие поручения. О таком возрасте ребенка говорили «*цумахъом фаци*», что буквально означает: «достиг такого возраста, когда можно послать его по делу». На старших детей с возрастом перекладывали большие обязанности по дому, они становились опорой семьи. Так, например, с семи лет мне уже доверили пасти дойных овец, которых у нас было не более 60 голов (в заккинских масштабах это считалось немного: у некоторых наших родственников количество их достигало 200 и более голов). Овец доили утром и вечером женщины и мужчины, доение коров входило в обязанности только женщин. Для получения большего надоя в течение сезона (июль, август) овец пасли на солнечной стороне (*хусарта*), славившейся своими сочными травами. Выполняя указание родителей, весь этот период я пас здесь свою отару с утра до вечера. Перед отправкой на пастбище, меня, как взрослого, снабжали чашкой для молока, небольшим круглым ячменным чуреком, куском брынзы, палкой с крючком на конце для ловли овец. Насытившись, овцы к полудню забирались в тень на отдых. Наступало время обеда и для меня: я знал, что кроме припасов в суме, меня ждет молоко от единственной в отаре козы – предводителя стада. Я являлся к ней с чашкой, она, встречая меня как старого знакомого, дарила мне свое молоко.

Мое пастушеское скитание продолжалось довольно долго. До 12 лет я не имел понятия о школе и только в этом возрасте научился читать и писать, после того как родители переселились на равнину в селение Коста, где обосновались многие заккинцы и жители других ущелий Центральной Осетии. Даже и тогда школьные занятия отодвигались на второй план и главным становился уход за овцами и другими животными. Их надо было летом перегонять на горные альпийские луга, а осенью –

на зимние пастбища в Кизлярские степи. Меня, подростка, неукротимо преследовало желание разбогатеть, увеличить в несколько раз поголовье овец, достичь уровня богатства своих сородичей – крупных овцеводов. Однако начало коллективизации положило конец моим мечтам, освободив меня от тяжести привычных забот.

У закинцев широко практиковалось производство овечьего сыра, не уступавшего по своим высоким вкусовым качествам известному по всему Кавказу кобийскому, изготовлявшемуся в с. Коби, расположенном вблизи Военно-Грузинской дороги. Обработка молочных продуктов, как и шерсти, – древняя традиция осетин, восходящая к скифской эпохе. Как показал В.И. Абаев, осетины сохранили иранские названия не только почти всех видов домашних животных, но и термины, касающиеся скотоводческих продуктов, инструментов и орудия для их обработки⁹. Овечий сыр служил для закинцев важнейшим продуктом питания и источником денежного дохода; его продавали на многих рынках Северного Кавказа и Грузии. Во Владикавказе, например, на базарной площади стояли длинные ряды магазинчиков, торговавших исключительно осетинским овечьим сыром. Я сам видел их в 1925 г., приезжая сюда с отцом из Заккинского ущелья на двух арбах, нагруженных овечьим сыром собственного производства для продажи (это было время нэпа, помню, как отец накормил меня в армянской харчевне вкусным мясным обедом из трех блюд за пять копеек; тогда хороший упитанный баран стоил не более 3–4 червонцев).

По оценке многих авторов и по моим многолетним наблюдениям, подтвердившимся особенно при составлении Кавказского историко-этнографического атласа, осетинский овечий сыр не имел себе равного на Кавказе. Очень высоко ценилась и шерсть этой породы овец – мягкая, тонкая и длинная, из которой изготавливали высококачественные домашние сукна для шитья одежды и сбыта на рынке, где они были известны под названием «осетинские» и пользовались большим спросом. У нас дома был свой станок (*тынуафæн сынтæг*), на котором мать и бабушка ткали сукно, служившее материалом для изготовления всей одежды для семьи, начиная от головного убора и до обуви. Они же делали из шерсти войлоки, бурки и другие предметы домашнего обихода. К сожалению, порода овец, хорошо отвечавшая требованиям местных условий, разведившаяся веками, в последние десятилетия исчезла из стада по вине местных руководителей и псевдочученых. Старая система овцеводства была разрушена, а новая оказалась во многом малоэффективной. С исчезновением осетинской породы овец прекратилось и производство овечьего сыра.

В моей памяти запечатлелось событие исторического масштаба – массовое переселение осетин-горцев в 1924 г. на равнину, на земли, полученные ими согласно декрету советского правительства. Этим актом горцы были избавлены от векового безземелья и нищеты, вырвались из своих «каменных мешков». Помню, отец возглавлял переселенческий комитет нашего ущелья. По другим ущельям горной Осетии такие же комитеты руководили переселением горцев и устройством их на новом месте.

Двигались всем селом от мала до велика с имуществом, нагруженным на ослов и лошадей или на запряженные волами и лошадьми двухколесные арбы, на которых сидели старики и дети. Все это составляло длинную вереницу протяженностью около полукилометра. Сложно было пройти опасный для жизни из-за частых оползней путь через проход от Заккинского ущелья и достичь Военно-Осетинской дороги, покрыв расстояние более 200 км. Отсюда до равнины дорога шла по длинному Алагирскому ущелью, изобиловавшему опасными местами, где можно было свалиться в пропасть. Путники двигались медленно, останавливаясь для отдыха и ночлега. На посторонних они производили неприглядное впечатление. Встречный с насмешкой спрашивал: «Куда это вы?» «Быдырмæ, быдырмæ! (на равнину, на равнину!)», – следовал ответ. «Видно, все забрали, даже надочажную цепь?» – «Конечно все! Разве можно бросить *къонаиы рæхыс* (надочажную цепь) – святыню каждой осетинской семьи? Покровитель *къонаиы рæхыс* Сафа не простит этого виновнику». И действительно, все переселенцы, покинувшие горы навсегда, везли с собой этот, по поверию осетин, оберег семейного счастья и благополучия. Между тем всех переселенцев охватывало нестерпимое

желание поскорее выбраться с гор на равнину. Вступив на равнину, я был поражен внезапным исчезновением гор и открывшимся передо мной необъятным простором равнины. Для перехода от Заккинского ущелья до с. Коста понадобилось пять суток.

В первые годы пребывания на новом месте уделом горцев были плохие материальные и бытовые условия, усугублявшиеся переменой климата, почти поголовным заболеванием малярией, которая не пощадила и меня и от которой я не мог избавиться несколько лет. На помощь коставцам пришли русские медики. В селе работали врач (имени его я не помню) – мужчина среднего возраста и фельдшер – настоящая русская красавица, высокого роста с большой светлой косой, звали ее, кажется, Марией. Оба хорошо говорили по-осетински. Эти мужественные люди оставили о себе добрую память. После моего выезда из села (в 1930-х годах) они там еще трудились, о дальнейшей же их судьбе ничего не знаю.

Образовавшиеся на равнине из переселенцев несколько больших и малых сел располагались на выделенных для них землях казачьих станиц (Архонской, Ардонской, Николаевской и др.), жители которых приняли их с пониманием и сочувствием. В отличие от соседних станиц сунженских казаков здесь не возникало никаких конфликтов. Напротив, между осетинами и казаками, выходцами начала XIX в. в основном из Харьковской губ., существовали давние дружеские отношения, проявлявшиеся в обмене культурными достижениями в различных областях быта, материальной и духовной жизни, в куначестве, смешанных браках и т.д. Осетины и казаки еще до революции нередко роднились, и этим особенно отличались жители соседствовавших осетинского селения Ардон и казачьей ст-цы Ардонская. Приведу лишь два примера. Известный, ныне покойный, историк-кавказовед М.В. Покровский, автор замечательных трудов по западным черкесам, будучи родом из ст-цы Ардонской, с гордостью говорил мне, что он «осетинский племянник». Много лет главой Владикавказа является М.М. Шаталов – уроженец той же станицы и тоже «осетинский племянник». Он хорошо говорит по-осетински и женат на осетинке. По его словам, на осетинках были женаты его предки. Мне хорошо известно также, что в ст-це Архонской значительное распространение получили осетинские похоронные обряды, отличающиеся своим широким общественным характером и оказанием материальной помощи семье покойного со стороны присутствующих на них.

Одним словом, горцы, обосновываясь по соседству с казачьими станицами, установили добрые отношения с их населением, проявлявшиеся в различных формах помощи. Особенно в первые годы пребывания на равнине горцы для обработки своих посевных площадей целиком пользовались услугами казаков, переняли у них некоторые культурные растения, неизвестные им в горах, – помидоры, огурцы, капусту и пр. По примеру своих братьев – равнинных осетин – переселенцы устанавливали с казаками кунацкие отношения. У моего отца, например, кунаками была большая украинская семья из ст-цы Архонской, состоявшая из пяти братьев и возглавлявшаяся их отцом – стариком среднего роста с красивой белой бородой; двое его сыновей были в прошлом казачьими офицерами. Они находили много тем для разговоров с моим отцом. В этой семье было много детей разных возрастов, в том числе моих ровесников. Однажды, приехав к нам в очередной раз гуртом на нескольких бричках (подводах) на помощь в обработке кукурузных полей (кажется, это было в 1926 г.), наши кунаки забрали меня погостить в их доме. От пребывания у них у меня осталось много воспоминаний: меня водили по обширной усадьбе со множеством жилых, хозяйственных построек и скотных дворов, показывая и рассказывая что-то. Я не знал тогда русского языка, они переспрашивали меня, смеялись и шутили надо мной. Я понял одно: это была богатая, большая, дружная и трудолюбивая семья. К сожалению, в 1930-х годах она подверглась раскулачиванию: одни из сыновей были репрессированы, другие покинули станицу сами, отец и мать остались жить в доме дочери. Они по-прежнему поддерживали добрые отношения с нами, обмениваясь визитами и после Великой Отечественной войны вплоть до своей кончины. Таких примеров куначества между осетинами и русскими было немало.

Новые осетинские селения (подобно старым равнинным) строились по образцу казачьих станиц с правильной уличной планировкой, постройками административно-культурного назначения в центре села. Горцев отличало здесь только расселение: выходцы из одного ущелья, жители одного села, члены одного рода (фамилии) селились вместе. По такому принципу, например, населялось мое с. Коста выходцами из Мамисонского, Нарского и Заккинского ущелий. Немного позже, когда горцы стали воздвигать фундаментальные дома, влияние казаков во многом сказывалось и на планировке жилья. А пока они строили на своих участках плетневые времянки в ожидании прибытия с гор и размещения семейств. В такой однокамерной времянке, обмазанной раствором глины внутри и снаружи, покрытой соломенной крышей, отапливаемой железной печью, жила довольно долго и наша семья. Она не составляла исключения: почти 70–80% сельчан ютились в таких постройках до самой коллективизации. Мне запомнились здесь частые пожары, уничтожавшие нередко целые кварталы, на тушение которых выходили все жители села. Когда колхоз построил кирпичный и черепичный заводы, облик села коренным образом изменился. Строились дома городского типа, преимущественно кирпичные, под черепичными кровлями. При этом деревянную часть жилья выполняли большей частью грузинские отходники-рабочие, которые в немалом числе приезжали в равнинные селения Северной Осетии.

Не могу не сказать и о бандитизме: он проявлялся после революции в течение ряда лет и охватывал всю равнинную Осетию, от него больше всего страдали малозащищенные селения горских переселенцев. Помню, как осенью 1926 г. ночью бандиты увели двух наших лошадей и трех дойных коров, оставив семью без средств к существованию. Только рано утром отец, узнав о случившемся, поднял тревогу, и сельская дружина, пустившись в погоню, смогла найти след, ведущий через Терек в Правобережный район Осетии и исчезавший в соседних ингушских селениях. Впрочем, так бывало во многих других случаях при краже у поселенцев лошадей и прочих животных, когда след шел туда же. Значит, грабежом и разбоем занимались ингушские бандиты совместно с осетинскими. На уничтожение этого зла были брошены силы областных правоохранительных органов Северной Осетии. Бандитов ошибочно называли абреками (*абырджытæ*), что в действительности не соответствовало их поступкам, ибо прежние кавказские абреки весьма редко прибегали к грабежу. Они выступали против социальной несправедливости, насилия царских колонизаторов и местных феодалов, захватывая их имущество, как и имущество богатых горожан и казны. Вспомним хотя бы чеченского абрека Зилимхана или осетинского абрека Дзаура, наводивших страх на властей и их прислужников. Зилимхан и Дзаур, о которых в 1930-х годах были сделаны кинофильмы под такими же названиями, отбирая деньги у казны, банкиров и богатых владельцев, раздавали их неимущим и студентам.

Наступил 1929 г. – начало коллективизации в Северной Осетии. К этому времени село наше имело более 400 дворов, разделяясь на три неравные части, населенные выходцами из Мамисонского, Нарского и Заккинского ущелий. В них на общих собраниях, где в соответствии с обычным правом осетин присутствовали лишь мужчины, бурно обсуждался вопрос о целесообразности организации коллективного хозяйства. Я бывал на этих собраниях и помню, что лишь некоторые скептики выступали против колхозного строя, аргументируя это тем, что если даже два брата не уживаются вместе и разделяют хозяйство, то может ли существовать огромная община, объединяющая сотни людей с разными наклонностями и взглядами на жизнь. Абсолютное большинство горцев было за колхоз, доказывая, что в горах им всегда был присущ коллективизм. При этом вспоминали о своих больших семьях, состоявших иногда из 100 и более человек, утверждали, что они, несмотря на крайнее малоземелье и суровые природные условия, жили всегда в достатке, в то время как малые семьи бедствовали и разорялись. Наконец, на общем сельском собрании было решено объединиться в один колхоз и назвать его именем К. Маркса. Чувствовалось, что многие хозяева с неохотой расставались со своим добром: с лошадьми, мелким и

крупным рогатым скотом и т.д. Такие чувства охватили и меня, когда я сдавал на колхозные фермы своего любимого коня и отару овец, выращенную за годы упорного труда. Но в душе я был рад, что наконец-то расстался со своей пастушеской палкой и получил возможность учиться.

Собственностью колхоза стали и многотысячные отары овец, принадлежавшие крупным овцеводам до их раскулачивания. У одних Кесаевых, например, было отобрано не менее 4 тыс. овец. В итоге колхоз приобрел славу наиболее видного овцеводческого хозяйства в республике, имевшего несколько десятков тысяч голов овец. В памяти осталось и появление в селе первого трактора, названного горцами *афсайнаг бах* («железный конь»), на котором гордо восседал наш же односельчанин, ведя его по главной улице в сопровождении толпы для всеобщего обозрения. Так же памятен показ первого кинофильма под открытым небом на стене здания сельсовета, при демонстрации которого от идущего на экране паровоза зрители шарахались в разные стороны.

Настала первая весна колхозной жизни. Молодежь отправлялась на полевые работы, как на праздник, с песнями и под звуки гармоники. А ведь она еще недавно могла встречаться только на свадьбах и больших общественных празднествах, где только и была возможность выбрать себе подругу жизни. Правда, при работе в колхозе сближение людей шло очень медленно, как говорят, с оглядкой. На первых порах родственники создавали свои звенья и даже бригады. Старались также, чтобы мужчины и женщины работали отдельно, составляя свои подразделения. Все мы, школьники, в свободное от учебы время помогали колхозу как могли. Даже спустя много лет, будучи студентом во Владикавказе, я большей частью свои каникулы проводил на полях родного колхоза, участвуя в работе полеводческой бригады.

* * *

После того как я научился читать и писать в начальной школе села, начались мои скитания в поисках получения образования без всякой материальной поддержки со стороны нашей многодетной семьи, где на всех зарабатывали только родители. Отец, освободясь от общественных дел, перешел работать в школу и преподавал в начальных классах. Как бывшее духовное лицо он постоянно изгонялся по доносу, вынужден был переходить из одной школы в другую. Так продолжалось до 1937 г., а затем, боясь ареста, он сам оставил школу и поселился дома навсегда, до самой кончины.

Моя бабушка Гагиз, зная о моем желании продолжить учебу, наварила большую бочку *араки* (самогона) и, погрузив ее на арбу, повезла меня в с. Ногир (недалеко от Владикавказа) к моей тетке Саломи, чтобы за деньги, вырученные от продажи спиртного, нанять для меня частного преподавателя. План этот удался. Пробыв в этом селе всю зиму, я занимался у бывшего священника, из южной осетин (фамилию не помню), дававшего частные уроки, образованного и доброжелательного. Получив подготовку в объеме 6–7 классов, достаточную для дальнейшей учебы, и знание русского языка, осенью 1931 г. я приехал в Ростов-на-Дону поступать на рабфак при местном Педагогическом институте, но опоздал к экзаменам. Решив не возвращаться домой, поступил на вечернее отделение, где учащиеся, не получая ни стипендии, ни общежития, должны были параллельно с учебой зарабатывать себе на жизнь.

Здесь сделаю небольшое отступление. Уже в первые годы советской власти осетинская молодежь, пользуясь возможностью бесплатного образования и получения стипендии от государства, выезжала в большом числе на учебу в крупные города Советского Союза, особенно активно после коллективизации, которая избавила молодежь от выполнения многочисленных домашних работ. Массовый выезд молодежи из Осетии на учебу дал свои результаты: Осетия обеспечивала кадрами высокой квалификации во многих отраслях народного хозяйства и культуры не только себя, но отчасти и своих соседей. Мне нередко приходилось встречать даже в самых высоко-

Рис. 2. Б.А. Калоев с семьей Цораевых: слева – сестра Коста Цораева Венера, справа – его жена Шуратхан

горных селах Дагестана и других республик Северного Кавказа своих соотечественников, работавших врачами, учителями, агрономами и т.д. Две осетинки, работавшие учительницами в 1954 г. в аварском с. Хунзах, нашли здесь даже свое семейное счастье. Почти до самой кончины отделом областного здравоохранения Адыгеи руководил осетин, пользовавшийся огромным уважением. Таких примеров множество.

Итак, я – подсобный рабочий в арматурном цехе Ростовского паровозоремонтного завода (ныне локомотивного) им. В.И. Ленина и студент вечернего отделения рабфака. Всем этим я обязан своему родственнику по бабушке К. Цораеву, ныне покойному, принимавшему близкое участие в моей судьбе. На заводе я познакомился с большой группой горцев Северного Кавказа и Дагестана разных возрастов (от 18 до 40 лет) и национальностей (осетины, кумыки, горские евреи и т.д.), прикомандированных на время для обучения различным профессиям. Подготовка рабочих-специалистов из горцев (или «нацменов», как тогда нас называли) шла и на других крупных предприятиях Ростова. В своем цеху я повстречался с одним американским рабочим, токарем высокого разряда, приехавшим работать по контракту. Таких мигрантов было немало в нашей стране в период индустриализации. Он оказался осетином из бывших отходников, осевших в Америке на постоянное жительство. В цеху я попал в среду старых русских рабочих, изготовлявших сложнейшие механизмы для паровозов; их именовали пролетариями, «профессорами» своего дела. Многие из них были участниками знаменитой ростовской стачки 1902 г. Меня они приняли как родного сына, опекали как могли, научили слесарному делу. Один из них (забыл его фамилию) даже хотел усыновить меня.

После двух лет работы на заводе я перешел на дневное отделение рабфака, получил стипендию и общежитие. На рабфаке я вновь оказался среди горцев разных возрастов – от вчерашних школьников до взрослых семейных мужчин и женщин, приехавших для получения среднего образования. Из 25 чел. нашей группы только двое были

русские: жительница Ростова и донской казак из глубинной степной станицы, который, по собственному признанию, не видел паровоза до приезда в Ростов на учебу. (Я невольно вспомнил свой первый выход с гор на равнину!) В нашей группе особенно много было дагестанцев – парней и девушек разных народностей: аварцев, даргинцев, лакцев и др., выходцев из самых отдаленных горных аулов республики; тогда я впервые узнал об этом многоязычном крае.

Пробыв в Ростове четыре года, я ни разу не встретил ни чеченца, ни ингуша. Видимо, это можно объяснить отнюдь не отсутствием у молодежи этих народов желания поехать на учебу или на работу в большие города России, а незнанием русского языка. Даже во Владикавказе, до войны имевшем четыре вуза и много средних учебных заведений, представители этих народов встречались лишь единицами. В Северо-Осетинском госпединституте, где я после рабфака учился, был только один чеченец – студент истфака. Наши наставники проявляли к нам большое внимание и заботу. В памяти остались некоторые фамилии: завуча Левина, ботаника Полянской, историка Хатагова – осетина из селения Ольгинское Северной Осетии, бывшего офицера-артиллериста царской армии. Он, сочувствуя нашему бедственному положению в эти голодные годы (1933, 1934) без материальной поддержки со стороны родных, опекал нас, как мог, часто приглашая домой. Это был культурный добрый человек среднего роста, с красивым лицом, усиками и слегка горбатым носом. Приведу такой пример: как-то он, придя на урок, едва сдерживая слезы, сообщил нам о кончине известного советского историка Н.М. Покровского. Чувствовалась его бесконечная любовь к этому ученому, смерть которого сильно на него подействовала. К сожалению, Хатагов, командуя артиллерийским подразделением, погиб на фронте Великой Отечественной войны.

В 1936 г., закончив учебу, я, желая быть ближе к дому, расстался с любимым городом, где прошли мои юные годы (осенью 1941 г. мне довелось освобождать Ростов от немецко-фашистских оккупантов в составе 116-го гаубичного артполка), и поступил на исторический факультет Северо-Осетинского госпединститута в г. Владикавказе (тогда – Орджоникидзе). В моей группе из 29 чел. было 3 девушки, остальные юноши – крепкие, здоровые. По национальности все были осетинами (за исключением упомянутого выше чеченца), в основном бывшие рабфаковцы. Все наши юноши участвовали в Великой Отечественной войне, из них живыми вернулось только трое – я и двое моих однокурсников.

За послереволюционные годы Владикавказ превратился в вузовский город; кроме Пединститута здесь были Сельхозинститут, Институт цветных металлов, позже открылся Мединститут. Кроме того, с 1920-х годов успешно работали Северо-Осетинский НИИ, много средних учебных заведений (вспомним, что до революции на Кавказе не было ни одного высшего учебного заведения). Владикавказ уже тогда славился как один из крупных административных и культурных центров региона. Здесь, например, находился старинный краеведческий музей, работал старейший на Кавказе русский театр, открытый в 1860-х годах, протекала деятельность многих выдающихся русских ученых – А. Шегрена, Вс. Миллера, М. Ковалевского, графини Уваровой и т.д., изучавших осетин и других горцев Кавказа.

Открытие вузов во многом способствовала местная интеллигенция, получившая образование в высших учебных заведениях России. Первыми осетинами, удостоенными звания профессора, были Б.А. Алборов и Г. Дзагуров. Мне не удалось слушать их лекции, так как в 1937 г. они были по ложному обвинению репрессированы и сосланы. Только в конце 1950-х годов, после их возвращения из ссылки я познакомился с ними. Особенно высоко ценю Б.А. Алборова как человека и ученого, внесшего значительный вклад в осетиноведение и организацию народного просвещения. Его отличали доброта и мужество, которое не позволило ему склонить голову перед притеснениями политического режима.

Несколько поколений учителей-горцев воспитал профессор Б.Д. Скитский, украинец из Винницкой губ., для которого Осетия, по его словам, стала второй родиной. Он –

автор первого обобщающего труда по истории осетин с древнейших времен до 1860-х годов, за который получил орден Ленина. Ряд его других работ посвящен различным вопросам истории и культуры горских народов Северного Кавказа. Б.Д. Скитский, окончив Винницкий университет вместе с Б.А. Алборовым, в 1920-х годах был приглашен работать в Осетию. В сердцах своих многочисленных учеников он оставил добрую память. Лекции по истории Кавказа читал нам проф. Г.А. Кокиев, приезжавший из Москвы, где жил и работал. Его как крупного специалиста часто приглашали читать лекции и в другие республиканские вузы региона. Курс по русской истории вел Б. Гарданов, воспитанник Ленинградского (Петербургского) университета, в котором он работал в течение нескольких лет. Любимец студентов, он был выходцем из простой крестьянской семьи. Особым уважением среди студентов пользовался Б.А. Цуциев – экономист, автор нескольких содержательных монографий по истории развития экономики Осетии. Он был моим односельчанином, в период становления нашего села работал вместе с моим отцом в сельсовете. Позже окончил в Москве Институт Красной профессуры. Курс западной литературы читал нам доцент Лукашенко – видимо, белорус, человек, обладавший большими ораторскими способностями. Его лекции всегда собирали многолюдную аудиторию.

Из преподавателей – коренных кавказцев особого внимания заслуживает профессор Л.П. Семенов, сын сунженского казака-краеведа, автор многочисленных трудов, знаток в различных областях краеведения, литературоведения, археологии, фольклора, нартоведения, этнографии (многие его работы основаны на собственном полевом материале). Ему принадлежат монографии, посвященные пребыванию Пушкина и Лермонтова на Кавказе, а также Коста Хетагурову. Л.П. Семенов внес значительный вклад в изучение археологии осетин, чеченцев и ингушей, а также памятников нартского эпоса осетин.

Годы моей учебы в институте совпали с периодом страшной «ежовщины»: погибло много безвинных людей, цвет осетинской интеллигенции, о чем невозможно вспоминать без содрогания. Выносила приговор московская тройка, расстреливая тотчас же, без следствия и суда. Почти ежедневно в республиканских газетах («Социалистическая Осетия» и «Растдзинад») появлялись обвинительные статьи, вернее доносы, в которых кто-то кого-то считал «врагом народа», или «немецким шпионом», или «буржуазным националистом». Нас глубоко огорчало внезапное исчезновение наших любимых преподавателей: Б. Гарданова, доцента-латыша, политэмигранта, читавшего курс лекций по новейшей истории, преподавателя немецкого языка. Не пожалели даже старика Соско Амбалова, известного просветителя, любимца осетинской интеллигенции, отдавшего много лет подготовке академического издания трехтомного «Осетино-русско-немецкого словаря» Вс. Миллера. Многие ленинградцы – жители Васильевского острова долго помнили этого человека среднего роста с белой красивой бородой, всегда одетого в черкеску с кинжалом у пояса. В.И. Абаев, живший в те годы по соседству, большой друг Соско Амбалова, рассказывает, что тот, будучи прекрасным знатоком осетинского языка, который он преподавал студентам университета, всегда находился в окружении студентов, вместе с ними обедал в студенческой столовой. Говорят, что он покончил с собой в тюрьме, разбив голову о стену.

От репрессий пострадало и большое число моих родственников, особенно по линии бабушки, среди которых было много неграмотных крестьян, не представлявших собой никакой опасности, арестованных по доносу. Так погибли в ссылке где-то в Сибири муж сестры моего отца и его брат (Шерги и Зозабе Абаевы), не умевшие даже самостоятельно расписываться.

С конца 1939 г. я преподавал историю в 8–10 классах средней школы селения Тлатово (ныне г. Беслан), куда был приглашен, будучи еще студентом IV курса, ее директором, сыном брата моей бабушки Ладемиром Церековым. Он был весьма опытным педагогом с многолетним стажем. Когда призвали в армию преподавателя истории из его школы, он вспомнил обо мне, приехал в институт, вошел к нам в аудиторию и громко спросил: «Кто тут Калоев?» Я ответил. «Пойдешь ко мне в школу, вопрос

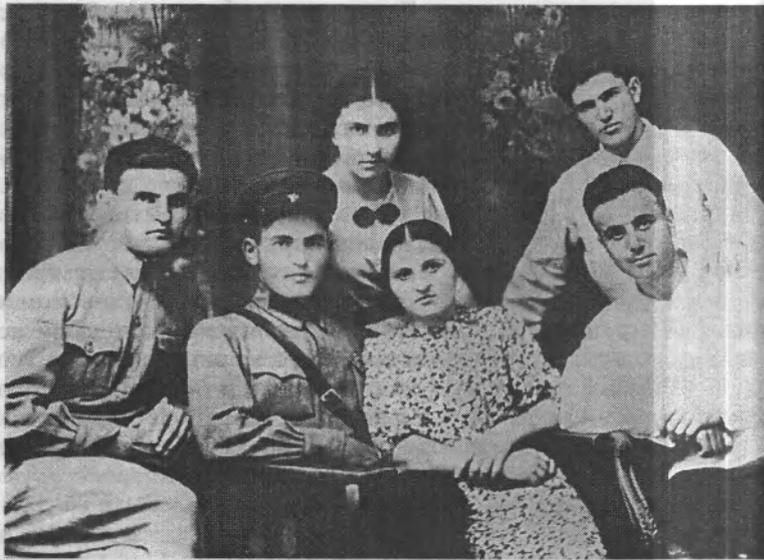

Рис. 3. Б.А. Калоев (первый слева) в кругу родственников: второй слева – его брат Солтанбек, студент военного факультета Второго московского медицинского института, позднее генерал-майор медицинской службы, стоит справа – брат Хазби, поэт, погиб на Курской дуге в 1943 г. (фото 1940 г.)

согласован с директором института». Школа эта, представляя собой длинное одноэтажное здание дореволюционной постройки с несколькими классными комнатами, располагалась недалеко от Терека. Здесь же жил ее директор с семьей. Я оказался в хорошем коллективе педагогов (некоторых из коллег знал еще по институту), с интересом работал в школе, продолжая сдавать экзамены и зачеты в институте.

* *

Летом 1940 г., я, сдав госэкзамен, закончил институт, а в школе учебный год и был призван в армию в г. Батуми. Меня провожали, кроме матери и отца, учителя и многие мои питомцы, ученики старших классов, с которыми я крепко подружился. Я был направлен в 250-й горно-вьючный артиллерийский полк, находившийся над самым городом в военном городке.

В полку было немного кавказцев. До войны военнослужащие не могли проходить службу вблизи родных мест, и в нашем подразделении новобранцев с Кавказа были считанные единицы – основной состав прибыл из Центральной России, в том числе из Москвы и Ленинграда. Все мы имели среднее или высшее образование, самые разные профессии: учителя, инженеры, техники т.п. Впервые в армии создавали такие подразделения, это было вынужденной мерой из-за бушевавшей в Европе войны.

Наши командиры постоянно внушали нам: надо тренироваться в условиях, максимально приближенных к войне. Полк наш был горно-вьючный артиллерийский, в нем было много лошадей исключительно кабардинской породы, отвечавшей условиям горной местности. Каждый из нас имел свою лошадь, за которой ухаживал, как за ребенком. Нужно было приходить на конюшню ежедневно в 6 часов утра, чистить и кормить лошадей, повторяя эту процедуру в полдень и к концу дня. Командование строго следило за этим, устраивая раза два в неделю осмотр перед строем. Командир подразделения, подходя к лошади, обтирал ее белым платком и, найдя на платке следы пыли, строго взыскивал с виноватого. Конечно, многим моим товарищам, москвичам и ленинградцам, выдавшим лошадь лишь на киноэкране, в первое время было тя-

жело привыкнуть в этому животному. Для меня, горца, уход за конем, с которым, можно сказать, вырос с малых лет, было удовольствием. Лошадь – удивительное существо, тонко улавливающее настроение, взгляд, каждое движение человека. Я быстро подружился с моим конем. Как только утром я приходил в конюшню, он тыкался мордой ко мне в карман, отыскивая сахар, которым я его постоянно угощал. Через некоторое время искусством ухода за конями овладели и мои сослуживцы. Я охотно делился своими познаниями с товарищами, помогал им как мог.

Нас, новобранцев, в течение трех месяцев держали в карантине, не выпускали из расположения части, пока мы не овладели строевой ходьбой и не научились приветствиям по уставу. Когда я в первый раз получил увольнение и соответствующие наставления старшины, как себя вести, я, боясь угодить в комендатуру за неправильное приветствие встречаемых военнослужащих, пошел не по центральной улице, а по безлюдным окраинам города и, выйдя к морю, никогда до того мною не виданному, любовался его красотой до самого вечера. В первый раз в жизни я видел море, название которого мне давно было знакомо из мифологии. Дело в том, что в осетинском Нартском эпосе, ядро которого сформировалось в аланскую эпоху, часто упоминается *Сау Деджыз* (Черное море). Слово это было занесено в горы ираноязычными предками осетин.

Во время батумской солдатской службы, продолжавшейся ровно год, произошло важное для меня событие: меня приняли в партию ВКП(б) по рекомендации командования, которую, как известно, в то время нелегко было получить, особенно в армии.

После Батуми я учился на курсах младших политруков в азербайджанском г. Кусары. Мое желание после срочной службы заняться любимым делом – историей – осталось мечтой. Я должен был стать кадровым офицером-политработником, на которого возлагались большие обязанности. Я оказался в первом батальоне, находившемся под командованием капитана Бухайдзе, грузина высокого роста, подтянутого, худощавого, с усиками, строевого командира до мозга костей. Его батальон занимал первое место в училище по всем показателям. За три месяца обучения на курсах капитан Бухайдзе сделал из нас строевиков высокого класса, досконально изучивших все виды стрелкового оружия. Забегая вперед, отмечу, что в 1942 г., находясь на калининском фронте, я узнал из газеты о его гибели под Моздоком в боях с немецко-фашистскими оккупантами и о посмертном присвоении ему звания Героя Советского Союза. Память о капитане Бухайдзе свято хранят в Грузии: его поминуют в поэзии, музыке, народном творчестве.

* * *

Перед самым завершением занятий на курсах началась война. Получив звание младшего политрука с двумя кубиками на петлицах, я был направлен в 116-й тяжелый (гаубичный) артиллерийский полк резерва главного командования, находившийся в Баку. Передвигаясь на гусеничных тракторах, полк обладал невиданной огневой мощью, состоял из 11 батарей, имея в каждой из них по 4 громадных пушки.

Прибыв в полк, я был назначен комиссаром 9-й батареи 2-го дивизиона, насчитывавшей более 150 чел., включая четырех кадровых командиров разных званий и должностей. Некоторые командиры и красногвардейцы имели боевые ордена и медали, полученные ими на финской войне. Хотя мои однополчане и смотрели на меня как на человека, еще не нюхавшего пороха, многие приняли меня неплохо. Не сразу сложились у меня отношения с моим командиром батареи, с которым я имел равные права при решении любого служебного вопроса.

Введенный незадолго до того институт военных комиссаров, вызванный военной необходимостью, не был воспринят должным образом многими командирами, так как ограничивал их права. Таков был и мой командир. Если вспомнить, что я был младше его почти на десять лет, не имел еще боевого опыта, не был знаком с новым для меня видом артиллерии, то легко понять мое положение. Небольшого роста, белобрысый, он был по натуре добрым человеком, и хотя называл меня мальчишкой, я не оби-

жался, а наоборот, учился у него умению воевать. Наши обязанности были строго распределены: при вступлении в бой я неотлучно должен был находиться на огневой позиции, вовремя обеспечивать батарею снарядами, а личный состав – питанием, следить за моральным и боевым состоянием бойцов. Командир же, находясь со взводом разведки на переднем участке линии фронта, корректировал цели поражения, передавая команды по телефонной связи на батарею.

Наш полк был переброшен с севера для обороны границы от турок, а вскоре отправлен к границам Ирана. Не встречая сопротивления, мы прошли по городам иранского Азербайджана до самого Тебриза – одного из наиболее крупных городов Ирана. В этой местности было много армян и грузин – выходцев из Закавказья, покинувших родину в период гражданской войны в 1918–1922 гг. и обосновавшихся здесь навсегда. Меня удивило то, что они наряду с некоторыми иранцами встречали нас повсюду как освободителей с красными знаменами и громкими приветствиями «Да здравствует советская власть!»; среди встречавших всегда было много школьников с пионерскими галстуками. Оказывается, некоторые из этих иранских армян и грузин годами проживали в Советском Союзе и незадолго до нашего прихода были депортированы из Союза. Нам задавали один и тот же вопрос: будет ли у них советская власть? Мы молча сочувственно смотрели на них, не зная, что ответить.

В своем большинстве иранские армяне и грузины были хозяевами многих крупных магазинов, ресторанов, мастерских и пр. Они же ярко выделялись по внешнему облику – одевались по-европейски, в то время как все иранцы в традиционном одеянии. Чадра была непременной принадлежностью женского костюма – я не видел ни одной персиянки без чадры.

Армяне и грузины, сохраняя свои христианские верования, совершали церковные обряды за неимением церквей в молитвенных домах, находившихся под покровительством христианских священников (в Тебризе, как и в других городах Северо-Западного Ирана, где мне пришлось побывать, я не видел ни одной церкви). Похороны они совершали также на своих кладбищах, соблюдая все национальные и церковные традиции, делая надписи на могильных памятниках на родном языке. Навсегда запомнился мне знаменитый тебризский караван-сарай – длинное более километра крытое помещение, внутри плотно заставленное магазинами и лавками с разнообразными сельскохозяйственными и промышленными товарами, изделиями кустарных промыслов, в том числе ювелирных, выполненными мастерами высокого класса. Пройдя караван-сарай от начала до конца, я был удивлен ничтожным числом покупателей в нем. На лежащие навалом в большом количестве фрукты, овощи, виноград (ведь было лето) и другие товары почти не было спроса, что, видимо, объяснялось их высокой стоимостью.

В Тебризе я обратил внимание на отсутствие водопровода – воду для питья брали из общего арыка, в котором тут же стирали белье. По словам моих знакомых тебризских армян, в городе не было ни одной больницы, медицинское обслуживание горожан

Рис. 4. Б.А. Калоев – комиссар 9-й батареи 119-го гаубичного артполка, Южный фронт, 1941 г.

осуществлялось врачами из американского посольства. В то же время в городе находилось множество казино и домов терпимости. Мне пришлось побывать и в окрестных сельских районах, произведших на меня такое впечатление, как будто я оказался в феодальном поместье: сельское население иранского Азербайджана было именно в таком состоянии. Все виденное здесь поразило меня своей ужасающей бедностью: селения, состоявшие из низких глинобитных построек, внешний облик людей в лохмотьях, напоминавших античных рабов.

Пробыв две недели в Иране, полк наш вернулся в Баку. Фронт стремительно приближался к воротам Кавказа – Ростову-на-Дону. В октябре наш полк из Махачкалы эшелонами направился туда. По пути к Ростову нам встречалось много беженцев, ехавших на открытых платформах до Махачкалы и Баку, а оттуда в Среднюю Азию.

Проезжая через Ростов, к тому моменту уже освобожденный от немецкой армии, я убедился, что мой любимый город, где прошли годы моей юности, сравнительно легко отделался: пострадали от бомбежек только крупные промышленные объекты, в том числе были разрушены паровозоремонтный завод, на котором я работал и его прекрасный двухэтажный дворец культуры, хорошо мне знакомый. Мое боевое крещение совершилось под Таганрогом, где более месяца шли ожесточенные бои против глубоко окопавшегося противника. Война, которую я только здесь почувствовал по-настоящему, была настолько ожесточенная, насыщенная огнем всех видов орудий с обеих сторон, что земля горела под ногами. Здесь я впервые увидел психическую атаку батальона пьяных немецких солдат, шедших на нас с криками и стрельбой из автоматов. Пришлось усмирить их мощным артиллерийским огнем.

Запомнилось, как мы, находясь под постоянным обстрелом, встречали новый 1942 г., – холодный и суровый, как и предыдущая зима. Нам как бы в качестве новогоднего подарка привезли на батарею бочку водки, с тем чтобы каждый получил положенные ему по приказу наркома 100 грамм. Мы с этого времени и до конца зимы получали спиртное, названное бойцами «наркомовским пайком».

Многодневные бои кончились неудачно, войска не смогли преодолеть вражеский рубеж и освободить Таганрог. Наш полк покинул этот участок, вступив в бой за освобождение Миллерова, Ворошиловграда и других городов Ростовской обл. и Донбасса. Весна 1942 г. застала нас под Краматорском – крупным промышленным центром Донбасса, где мы вели тяжелые бои при почти полном отсутствии танков и самолетов, в условиях сильной распутицы, по которой с трудом передвигались наши тяжелые пушки.

Здесь для меня на время неожиданно прервалась фронтовая жизнь: вызванный в штаб полка, я, не успев даже попрощаться со своими людьми, получил распоряжение срочно выехать на курсы высшего начальствующего состава, находившиеся в г. Горьком.

Пребывание в Горьком дало мне возможность познакомиться с этим чудесным городом, с его историческими и культурными памятниками, с его «окающими», симпатичными жителями. В свободное от занятий время любил бывать на откосе, там, где сливается Ока с великой Волгой и стоит превосходный памятник Чкалову. Если учесть, что с 1940 г. моя жизнь ограничивалась исключительно солдатскими казармами и фронтовыми окопами, то станет ясно, какое духовное наслаждение получил я, посещая театры, концертные залы и кинотеатры города.

На курсах кроме меня был еще один осетин, тоже приехавший с какого-то фронта, кадровый армейский политработник, старший лейтенант Борис Вазагов из с. Дур-Дур Северной Осетии. Забегая вперед, расскажу о нем вкратце, поскольку после окончания курсов (в июне 1942 г.), находясь в одной части, прошел с ним длинный путь войны до его гибели в Прибалтике. Вазагов был среднего роста, худощавый, с усиками на красивом лице, очень доброжелательный, бесстрашный в бою. Его молодая жена и мать (отца у него не было) оказались в немецко-фашистской оккупации в родном селе. За них он беспощадно мстил врагу в бою, не жалея жизни, всегда участ-

вовал в самых ответственных и опасных сражениях. Под нашим совместным руководством гвардейский реактивно-минометный дивизион («катюша») побывали во многих сражениях Калининского и Центрального фронтов (1942–1943 гг.), среди которых особенно отличался масштабом разгром эсэсовских дивизий в районе крупной узловой ст. Касторная, за что Вазагову был вручен орден Боевого Красного Знамени. Затем были бои по освобождению Курска, Белгорода и других городов Центральной России и Украины. Б. Вазагов погиб в боях при освобождении Прибалтики.

Закончив курсы в г. Горьком, получив повышения в званиях, мы с Вазаговым и несколькими товарищами прибыли в Москву с направлением в штаб гвардейско-реактивно-минометных частей – (ГМЧ) «Катюша». Здесь мы с Вазаговым получили назначение в один только что сформированный отдельный дивизион под командованием капитана Комарова. В конце августа наш дивизион, находясь на Калининском фронте под г. Торопец, готовился к предстоящим сражениям в составе 25-й Чапаевской добровольческой дивизии сибиряков, в которую входил также батальон женщин-автоматчиц. К сожалению операция, к которой долго готовились, завершилась по вине ее руководителей полным провалом со множеством убитых и раненых с нашей стороны. Мне вновь приходилось хоронить в братской могиле погибших молодых товарищей. Я спасся от гибели, потому что был сброшен волной в находившийся рядом глубокий ров.

В самом конце 1942 г. мы погрузились в поезд и уехали в Москву, где, находясь несколько дней на окружной дороге, встречали новый 1943 г. Тогда же я, побывав на Ваганьковском кладбище, увидел могилу Есенина – очень скромную, кажется, с деревянным надмогильным столбом со множественными надписями на нем, оставленными почитателями его таланта. К сожалению, до 1956 г. – времени выхода сборников стихов Есенина – я ничего из его произведений не читал, знал его только понаслышке как великого поэта.

Из Москвы дивизион был отправлен на Центральный фронт, позже получивший наименование Воронежского. В первые же дни пребывания там наш дивизион участвовал в разгроме окруженных кольцом двух наших фронтов – Центрального и Калининского – отборных эсэсовских дивизий, стоявших более полутора лет на московском направлении. Наш дивизион, обладавший большой огневой мощью, часто перебрасывался с одного участка на другой при освобождении Воронежа, Курска, Белгорода и других городов. Запомнилась мне добровольная сдача весной 1943 г. без боя, со всеми генералами венгерской армии (56 тыс. чел.), стоявшею почти полтора года в обороне под Воронежем. Эта армия была целиком отправлена в тыл. В ней я видел батальон евреев в одежде особой формы, выполнявших роль вспомогательной службы. Видимо, им не доверяли служить в боевых частях, владеть оружием.

В результате боев в районе Харькова наши части под нажимом новых мощных немецких танков («тигров») и самоходных орудий («фердинандов») отошли к Белгородско-Курской дуге. Особенно запомнилось участие в боях под Харьковом против нас полка украинских националистов, одетых в немецкую форму, выделявшихся большей агрессивностью, чем немцы; они выдавали себя криками и руганью в адрес «москалей».

На Курско-Белгородском участке, ставшем местом катастрофы немецко-фашистских войск, воевали и два моих младших брата: Хазби – командир танка, лейтенант, талантливый поэт, который погиб в знаменитом Прохоровском танковом сражении, и Солтанбек – военврач авиачасти, позже генерал-майор медицинской службы.

Для меня война окончилась там же. После тяжелого ранения я лечился в Москве, получил инвалидность второй группы, остался в столице при штабе ГМЧ, был заместителем начальника отдела формирования частей, занимался в основном организацией лекционных и культурно-массовых мероприятий. Например, я организовывал коллективные посещения воинскими частями театров; зная о громкой славе наших «катюш» на фронтах войны, администраторы охотно шли мне навстречу. За эти годы я стал заядлым театралом, побывав почти во всех театрах Москвы.

Наш отдел имел свое большое хозяйство, включая продовольственную базу, кухню, столовую и т.д., поэтому мы всегда могли угостить обедом гостей, особенно приглашенных для чтения лекции ученых, а зная их нелегкое положение, иногда и снабдить их кое-каким продовольствием. Помню, у нас часто любили бывать два профессора – Ю.М. Бочаров и А. Аршаруни. Первый известен как автор учебника «История классовой борьбы – XVIII–XX веков» (М., 1931), выдержавшего пять изданий (по нему я изучал историю на рабфаке в Ростове-на-Дону), профессор (кажется, Пединститута им. Ленина), превосходно читал лекции на различные темы, очаровывая слушателей своим ораторским красноречием. Зная, что он живет один, мы перед началом лекции кормили его, затем я брал стакан горячего сладкого чая, необходимого ему для начала чтения, и мы отправлялись в аудиторию.

Профессор, член союза писателей А. Аршаруни, видимо, не нуждался в такой помощи, приезжал, любя наши прославленные «катушки», пообщаться с нами. Он долгое время работал в посольстве в Иране, знал несколько языков, в основном занимался литературной деятельностью. Позже, знакомясь с этнографией горцев Северного Кавказа и Дагестана, я находил его публикации в разных изданиях, посвященных литературному творчеству кавказских писателей, вопросам культурного строительства в горах.

Попад в Москву впервые, я сначала в ней плохо ориентировался, знал город по книжкам, кинофильмам, рассказам брата, студента Второго мединститута, и других родственников, обучавшихся и работавших до войны в столице. Один из них – Капитон Николаевич Калоев – работал на строительстве метро, начиная с первой его станции и кончая многими другими до самой своей кончины (1976 г.). По его словам, строительство метро не прекратилось даже в критическом для Москвы 1941 г. Он получил за трудовые подвиги многие правительственные награды. Капитон Николаевич стал моим гидом, познакомил меня не только со станциями метро, но и с другими достопримечательностями Москвы.

В выходные дни я посещал лекции московских ученых, читавших обычно в актовом зале МГУ на Моховой. Большое удовольствие я испытывал при выступлениях известных академиков Е.В. Тарле и Б.Д. Грекова, знакомых мне до этого только по их публикациям. Книгу «Наполеон» Е.В. Тарле, вышедшую вторым изданием в 1939 г., еще будучи студентом во Владикавказе, я прочел запоем.

Забегая вперед, отмечу, что в 1948 г., после демобилизации из армии, я собирался поступить в аспирантуру Института истории АН СССР, директором которого был Б.Д. Греков. На публичных лекциях я познакомился с ним лично, а в 1952 г., уже будучи сотрудником Института этнографии АН СССР, присутствовал на праздновании его 70-летия, отмечавшегося всей научной общественностью страны, с интересом наблюдал я, как представители всех союзных республик приветствовали юбиляра. преподносили ему ценные подарки. На сцене образовалась целая гора среднеазиатских ковров и традиционных халатов.

В те же военные годы пребывания в Москве я несколько раз был на истфаке МГУ на ул. Герцена, видел однажды его декана С.П. Толстова в военной гимнастерке с нашивкой на груди в виде красной полосы – знака легкого ранения, полученного на фронте. Обратил внимание также на его приказной командирский тон. Думал ли я тогда, что окажусь когда-нибудь в подчинении этого талантливого ученого-воина! Другой раз здесь же в центре города я встретил профессора Г.А. Кокиева, лекции по истории Кавказа которого я слушал, еще будучи студентом Северо-Осетинского госпединститута во Владикавказе. Г.А. Кокиев рад был нашей встрече и просил почаще навещать его. Тогда он читал лекции на истфаке МГУ и заведовал аспирантурой Института этнографии АН СССР.

День окончания войны я встретил в Москве, на Красной площади. Видел, как хлынули туда москвичи огромными толпами, выражая радость песнями, криками, как подбрасывали в воздух военных. Многие плакали – то ли от радости по случаю победного окончания войны, то ли от горя в связи с потерей родных и близких. Посчаст-

ливилось мне и участвовать от нашего штаба ГМЧ вместе с несколькими офицерами в Параде победы на Красной площади.

После демобилизации я поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР (1948 г.). Мне было уже 32 года, из них 7 лет молодости были отданы службе в армии и защите Родины.

Примечания

¹ Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 260–265.

² Из личной беседы 15 октября 1995 г. в Москве.

³ Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977. С. 136–137.

⁴ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.: Л., 1949. С. 56–58.

⁵ Кокиев Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928.

⁶ Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886; Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.

⁷ Там же. С. 4–36; Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Ф. 30/12. П. 79. Л. 50.

⁸ Дагузова Г. Под российскими знаменами. Владикавказ, 1992. С. 101.

⁹ Абаев В.И. Указ. раб. С. 56–58.

Продолжение следует

* * *

B. A. Kaloev. From the diary of a student of Caucasus I. At the beginning of the road

The author is an Ossetin born in the Zakkinskii Gorge (situated in the center of the Main Caucasian Ridge) whose inhabitants moved from there to the flatland in 1924, having thus changed their way of life. The Kaloevs family's story indicated the genetic ties of ancestors of the modern Ossetins and describes the daily life of an Ossetian village on the mid-20th century. The article narrates of the author's studying at the higher education institution of Rostov-on-the-Don and Ordzhonikidze (today's Vladikavkaz), of his army service and participation in the Great Patriotic War of the Soviet Union.